ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ И СТАРОРУССКОЙ РЕЧИ*

С.А. Рылов
Нижегородский госуниверситет

Еще в 1955 году В.В. Виноградов писал, что было бы ошибочным игнорировать «функциональную и конструктивную» неоднородность языка-речи (Виноградов, 1955, с. 77). Более того, «именно эта проблема должна лечь в основу исследования разновидностей речи», в том числе и в историческом плане, что необходимо для выявления «закономерностей развития форм речевого общения, функциональных разновиностей речи, видов и типов общественно-речевой деятельности» (Виноградов, 1955, с. 77–78). Несомненно, что и древнерусская, и старорусская речь, представленная в многочисленных памятниках письменности XI–XVII вв. — текстах, неодинаковых по своему функциональному назначению и речевой организации, была внутренне дифференцирована. Однако каким образом, по каким признакам происходило это «расслоение» и, соответственно, какие функциональные разновидности речи существовали объективно — эти вопросы остаются в науке открытыми. Сложность решения указанных вопросов во многом обусловлена теоретической неразработанностью ряда аспектов функциональной стратификации речи в историческом плане. Под **функциональной стратификацией** речи мы понимаем членение ее на разновидности («страты»), различающиеся по сфере использования, характеру выполняемых функций (Баранникова, с. 11), а также по особенностям их рече-языковой организации. Исторический подход к проблеме функциональной стратификации речи совершенно необходим и в современной лингвистической науке, так как и система функциональных стилей языка-речи, и каждый языковой-речевой стиль — это продукт исторического развития языка, это явления исторически изменяющиеся (Кожина, с. 83; Русский язык, с. 542).

Следует согласиться с А.И. Горшковым, который справедливо отмечал, что «в истории русского литературного языка выделение и описание его разновидностей на том или ином историческом этапе развития — дело очень сложное. Здесь особенно сильна опасность оказаться в плену заранее заданной схемы, спутать подлинное научное обобщение фактов языковой реальности и чисто умозрительно построенное заключение» (Горшков, 1983, с. 51). Однозначность решения вопроса о функционально-стилевых разновидностях «языка-речи» в Древней Руси затрудняется не только неопределенностью понятия «стиль» по отношению к литературному языку донационального периода, но и — в еще большей степени — дискуссионностью таких фундаментальных проблем истории русского литературного языка, как языковая ситуация в Киевской и Московской Руси, происхождение и природа древнерусского литературного языка, его языковая (речевая) база в разные исторические периоды и др. Сразу оговоримся, что рассмотрение и анализ существующих в науке разнообразных гипотез происхождения древнерусского литературного языка (одноязычия, двуязычия, диглоссии) выходит далеко за рамки предмета данной статьи, поэтому ограничимся разъяснением собственной позиции по данной проблеме. Наиболее приемлемой и адекватной реальности является, на наш взгляд, трактовка древнерусского литературного языка (во всяком случае, для периода Киевской Руси) как единой и целостной, имеющей исконно

* Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Русский язык».

русскую — восточнославянскую — основу знаковой системы, располагающей функциональными разновидностями (ср.: Обнорский, с. 6; Филин, с. 229–230; Мещерский, с. 39–40; Колосов, с. 4–6; Русинов, 1986, с. 50–52 и др.).

О большой сложности проблемы функциональной стратификации древнерусской речи свидетельствуют разные, порой весьма существенно отличающиеся друг от друга, подходы ученых к выделению древнерусских стилей. Так, Л.П. Якубинский в «Истории древнерусского языка» (1941) наметил, а Г.О. Винокур в работе «Русский язык» (1945) обосновал целесообразность выделения трех стилей древнерусской письменной речи как ее «основных типических разновидностей»: *церковно-книжного*, его полярной противоположности (в стилистическом отношении) — *делового* (основанного на обиходных средствах языка) и — как результат взаимодействия обеих стилистических систем — *собственно-литературного* стиля (Винокур, с. 44–47). Такая классификация была поддержана рядом исследователей истории русского языка (Ларин, с. 22, 64–66, 108–110, 132–134 и след.; Мещерский, с. 43–45; Савельева, с. 159–160 и др.). Л.П. Клименко, обращаясь к проблеме стилистической дифференциации норм глагольного словоупотребления в древнерусской речи, основывается на концепции В.В. Виноградова о двух типах древнерусского литературного языка (Виноградов, 1978, с.105–106) и выделяет иные три разновидности памятников: 1) собственно древнерусские тексты (летописи, Слово о полку Игореве, Поучение Владимира Мономаха); 2) церковнославянские памятники сакрального характера и содержательно примыкающие к ним (Апракос Мстислава Великого, Выголексинский сборник, Синайский патерик, Слово о законе и благодати митрополита Илариона), в которых представлен книжно-славянский тип древнерусского литературного языка (по терминологии В.В. Виноградова); 3) тексты смешанного характера, в которых представлен и книжно-славянский и народно-литературный тип языка (Успенский сборник, Киево-Печерский патерик) (Клименко, с. 7). Деловые тексты, в соответствии с концепцией В.В. Виноградова, выводятся за пределы приведенной классификации.

Более детально подходил к вопросу о функциональных разновидностях древнерусского литературного языка А.И. Ефимов. Ученый разграничивал две группы стилей: 1) светские; 2) церковно-богослужебные. Каждая группа подразделялась на конкретные стили — в зависимости от особенностей словоупотребления, специфики речевых средств. Так, в составе светских стилей названы: а) письменно-деловой стиль, б) стиль литературно-художественного повествования, в) летописно-хроникальный стиль, г) эпистолярный стиль. В состав церковно-богослужебных стилей входили: а) литургические стили (евангелия, псалтири и т.п.); б) житийный стиль, в котором сочетались «речевые средства церковно-книжного и разговорно-бытового происхождения»; в) проповеднический стиль, нашедший отражение в творениях К.Туровского, Илариона и других авторов (Ефимов, 1967, с. 38–39). В таком подходе к стилям древнерусского литературного языка есть глубокая, ценная идея единства и целостности древнерусского литературного языка, взаимодействия двух различных языковых стихий (Ефимов, 1967, с. 39). Однако вызывает возражение неоправданное расширение А.И. Ефимовым состава церковно-богослужебных стилей, так как «церковнославянский язык не был полифункциональным» (Филин, с. 233), а занимал специфическое положение, функционировал в узкой сфере (ср. замечание Д.С. Лихачева о том, что только в древ-

нерусском литературном языке «можно выделять различные типы и стили» (Лихачев, 1999, с. 211).

При выделении и описании стилей древнерусского (старорусского) языка следует опираться на тексты, так как каждый текст имеет определенную стилевую отнесенность, создается по законам определенного стиля. Здесь уместно привести высказывание А.И. Горшкова: «Стиль есть только там, где есть текст» (Горшков, 1984, с. 48). Следовательно, и сам «перечень» стилей в древнерусском языке может быть получен на основе типологии текстов. Однако приходится с сожалением констатировать, что вопросы классификации и типологии древнерусских и старорусских текстов в научной литературе разработаны недостаточно полно и глубоко. Тем не менее в зависимости от особенностей содержания и функционального назначения письменных текстов, их лингвистических параметров можно получить предварительное представление о функционально-стилевой дифференциации древнерусской речи. Отбирая тексты в качестве материала исследования, автор исходил из рабочей гипотезы о том, что в древнерусской и старорусской речи (XI–XVII вв.) существовали следующие стили: 1) повествовательно-художественный, отраженный в таких образцах древнерусского литературного языка, как Слово о полку Игореве, Слово Даниила Заточника, Поучение Владимира Мономаха, Повесть о житии Александра Невского, Задонщина и др.; 2) летописно-хроникальный (представлен в летописях, включавших записи событий Древней Руси); 3) деловой, представленный в памятниках юридического, официально-делового содержания (например, «Русская правда», судебники, уставы, официально-деловые грамоты — договорные, вкладные, купчие, духовные и др.); 4) обиходно-бытовой, отраженный в берестяных грамотах бытового содержания, грамотках, представляющих собой частную переписку, письма личного характера; 5) церковно-богослужебный, функционировавший в сфере христианского религиозного общения, богослужебной литературы (представлен в оригинальных и переводных агиографических и проповеднических произведениях; это жития, религиозно-поучительные сочинения и др.).

Выделение летописно-хроникального, обиходно-бытового и делового стилей требует, очевидно, дополнительной аргументации, потому что существование этих функционально-стилевых разновидностей древнерусского литературного языка признается далеко не всеми лингвистами; более того, эти разновидности нередко выносятся за пределы литературного языка как не обладающие признаками «литературности».

Летописи — на правах особого «жанра» древнерусской «светской» литературы — чаще всего включаются языковедами в состав древнерусского литературного языка или «повествовательного типа», или «литературно-народного типа» либо считаются «собственно литературной разновидностью» древнерусского языка — вместе с художественными произведениями иных жанров (Виноградов, 1978, с. 102–104; Филин, с. 222, 263; Мещерский, с. 69; Горшков, 1984, с. 86; Клименко, с. 7; Савельева, с. 160; и др.). По нашему мнению, в летописях представлена особая — отличная от повествовательно-художественной — функционально-стилевая разновидность древнерусского литературного языка. Основания для указанной позиции таковы. Во-первых, летописные тексты — в связи с широким развитием летописания на Руси — функционировали в особой сфере литературы и — шире — культуры. Летописец не был «писателем» (в современном значении этого слова), свободно позволявшим себе художественный вымысел, — он был скорее

«историком», стремившимся к точной фиксации фактов в их хронологической последовательности (строго по годам — «летам»), либо «публицистом». Во-вторых, летописи по своему функциональному назначению занимали в Древней Руси совершенно особое место: в светской литературе они «благодаря своей универсальности и открытости, становятся ведущим элементом всей жанровой системы» (Крысько, с. 51). Не случайно Д.С. Лихачев полагал, что «составление летописных сводов было моментом историко-юридическим; летописный свод, рассказывая о прошлом, закреплял какой-то важный этап настоящего <...> Употребление хронографов было иным, чем употребление летописи. Хронографы предназначались для неофициального, индивидуального чтения, и поэтому элементов беллетристичности, внешней занимательности, философских и общеисторических назиданий в них гораздо больше, чем в летописи» (Лихачев, 1999, с. 328). В-третьих, летописи отличаются от других произведений светской литературы большой сложностью состава, неоднородностью содержания, что отмечалось и историками, и литературоведами, и лингвистами (Рыбаков, с. 16; Лихачев, 1999, с. 60, 78; Виноградов, 1978, с. 102–104; Ларин, с. 202–203; Мещерский, с. 44; Филин, с. 263 и др.). Один летописно-хроникальный памятник, помимо собственно погодных записей событий, может содержать в себе и разного рода религиозные тексты, деловые документы, самостоятельные сочинения на светские темы (Филин, с. 263). Неоднородность состава летописей обусловила своеобразие их речевой организации: в них вырабатывался «средний стиль» (Филин, с. 263), создавались условия для кристаллизации «нейтрального, среднего типа языка» (Ларин, с. 207).

Обиходно-бытовой стиль часто не выделяется потому, что тексты берестяных грамот и грамоток либо все без исключения причисляются к памятникам деловой речи (Филин, с. 254–255, 259; Савельева, с. 160), либо не считаются написанными на древнерусском литературном языке (Левин, с. 142; Виноградов, 1978, с. 78–79). Однако существует ряд оснований, позволяющих берестяные грамоты и грамотки квалифицировать как принадлежащие, во-первых, именно литературному языку, а во-вторых, особой (обиходно-бытовой) его функционально-стилевой разновидности. Отметим следующие особенности грамот: 1) литературная обработанность этого вида письменных памятников; по наблюдениям Н.А. Мещерского, в берестяных грамотах есть многие признаки «литературного языка феодальной эпохи как письменного языка, «обработанного мастерами» (Мещерский, с. 61–69); 2) «обслуживание» грамотами и грамотками особой сферы деятельности людей — бытовой, о чем свидетельствует содержание этих письменных памятников; в основном это частная переписка, письма личного характера, которые «посвящены самым разнообразным делам текущей жизни — хозяйственным, семейным, денежным, торговым и т.д.» (Зализняк, с. 18); 3) многочисленность древнерусских берестяных грамот (не говоря уже о старорусских грамотках XVII в.): количество найденных берестяных грамот в настоящее время составляет около 1000; эти грамоты охватывают большой хронологический интервал (с XI по XV в.) и имеют широкую географию — Новгород, Старая Русса, Псков, Смоленск, Витебск, Тверь, Москва, Звенигород Галицкий, Мстиславль (Зализняк, с. 13); 4) речевая специфика берестяных грамот и грамоток, которая проявляется в том, что эти памятники наиболее ярко и полно отражают живую народную речь своего времени; указанная черта заметно отличает их от текстов иной стилевой принадлежности, в том числе и деловых, на что неоднократно указывалось в научной литературе (Жуковская, с. 4, 16; Зализняк, с. 18; Ефимов, 1967, с. 48–49; Колосов, с. 127; Куз-

нецова, с. 22; Филин, с. 271). Как отмечала Р.Д. Кузнецова, хотя язык деловой письменности сближался с бытовым (с «живой речью»), но он «в процессе функционирования выработал определенные, ставшие традиционными нормы и особенности», унаследованные, в свою очередь, из устных деловых документов, существовавших до появления письменности (Кузнецова, с. 22).

Дальнейший анализ синтаксической организации древнерусской и старорусской речи покажет, насколько правомерно выделение летописно-хроникальной и обиходно-бытовой разновидности как особых функциональных стилей.

Вопрос о выделении делового стиля связан с проблемой статуса так называемого «делового языка», т.е. языка «Русской Правды», «Уложения» 1649 г., грамот, судебников и других памятников официально-делового, государственно-правового, юридического содержания. В исторической лингвистике существуют два противоположных взгляда на статус «делового языка»; 1) этот «язык» не является литературным (Шахматов, с. 60; Унбегаун, с. 263; и др.); 2) «деловой язык» — одна из разновидностей литературного языка (Обнорский; Филин, с. 259; Мещерский, с. 38–40). Автору данной работы близка вторая точка зрения: деловому языку были свойственны некоторая обработанность, упорядоченность (Филин, с. 226), он имел длительную традицию и не совпадал с живой разговорной речью (Филин, с. 250). Разумеется, древнерусская и старорусская деловая речь отличалась большим своеобразием, но все-таки она отражала литературный язык того или иного периода. Эта функционально-стилевая разновидность речи так же, как и другие, требует серьезного анализа, в том числе с точки зрения ее структуры и синтаксической организации.

Функциональные стили древнерусского литературного языка, как и вся его стилевая система, с течением времени постепенно изменялись, трансформировались, что было обусловлено многими экстралингвистическими факторами, а также развитием самой языковой структуры. К сожалению, пока мы очень мало знаем — прежде всего со стороны рече-языковой, — в чем конкретно состояли эти изменения, каким образом происходила трансформация «исходных» функционально-стилевых разновидностей древнерусского языка. Об этом затруднительно говорить даже для тех речевых разновидностей, которые были «прототипами» функциональных стилей современного русского языка. С другой стороны, совершенно очевидно, что древнерусские функционально-стилевые разновидности: повествовательно-художественная, деловая, обиходно-бытовая — далеко не совпадали с соответствующими функциональными стилями современного русского языка. Так, древнерусский повествовательно-художественный стиль отличался от современного художественного многими признаками. Среди них — с общефилологических позиций — Д.С. Лихачев отмечал следующие: «замкнутость», «целостность», «однонаправленность» и «объективность» художественного времени, «легкость» пространства и среды, объективную эмоциональность, исходящую не от автора, а как бы присущую самим событиям и самой природе; средневековый символизм, стилистическую симметрию и др. (Лихачев, 1999, с. 42–48, 134–160). Уже к XVII веку, который был, по оценке Д.С. Лихачева, «веком постепенного перехода от древней литературы к новой» (Лихачев, 1999, с. 404–405), в русской литературе происходят значительные преобразования: усложняется жанровая структура, чрезвычайно расширяется количество жанров за счет введения в художественную литературу форм деловой письменности, наблюдается рост индивидуального, личностного начала, происходит разделение литературы художественной и науч-

ной, что имело большое значение для образования новой структуры литературных жанров и т.д. (Лихачев, 1999, с. 405–410). Все это не могло не сказаться на речеязыковой стороне повествовательно-художественного стиля. Не случайно многие исследователи истории русского литературного языка стремились выявить основные тенденции изменений в повествовательно-художественной речи.

Несомненно, существенные изменения претерпевал в истории русского языка и деловой стиль. В XIV–XVI вв., в период Московского государства, считает Р.Д. Кузнецова, наблюдался особенно активный процесс развития делового стиля: изменяется тематика и назначение текстов; в XV в. появляется большое количество судебников, наказов; в XVI в. получают распространение челобитные, расспросные речи, сказки, статейные списки послов; к XVI–XVII вв. относятся заемные и закладные кабалы, писцовые книги. Все это, конечно, создает условия для выработки специфических средств речевой организации деловых текстов. Кроме того, общегосударственный характер делового языка Москвы, особые условия общественного функционирования деловых документов и их значимость определяют важность и актуальность точного выражения отношений (Кузнецова, с. 23). По мнению Ф.П. Филина, развитие делового стиля шло в течение всего времени существования древнерусского языка, «в XVIII веке в деловом языке произошли серьезные преобразования, но традиции не были оборваны» (Филин, с. 255).

Летописно-хроникальная разновидность, получившая широкое распространение в Древней Руси, с XVI и XVII вв. «начала отходить в прошлое», поскольку «появилась нужда в более детализированном описании одновременности событий и их прагматической, причинно-следственной зависимости друг от друга» (Лихачев, 1999, с. 78). Так в XVIII веке летописно-хроникальный стиль постепенно прекращает свое существование, трансформируясь частично в художественный, частично во вновь формирующийся научный стиль.

Длительная традиция бытования на Руси церковно-богослужебного стиля — с XI и фактически до XVII в. — отразила и значительные изменения в нем. С.А. Аверина, исследуя тексты агиографического жанра, приходит к выводу, что со второй половины XV в. начинается его эволюция, а в дальнейшем — и разрушение этого жанра: «Вторжение бытовых реалий, фольклорной легенды наблюдается еще в XV в. — таковы «Житие Иоанна Новгородского», «Житие Михаила Клопского», в XVII в. происходит трансформация жития в повесть, затем — в автобиографическую исповедь» (Аверина, с. 62). Таким образом, древнерусский церковно-богослужебный стиль, в частности его житийный жанр, в определенной степени способствовал развитию и становлению художественного стиля.

В результате сложных процессов взаимодействия, взаимовлияния, трансформации древнерусских функционально-стилевых разновидностей, а также по мере возникновения в самом обществе необходимых предпосылок, в истории русского языка постепенно формируются новые функциональные стили: публицистический и научный.

Показательно, что развитие стиля лингвисты так или иначе связывают с развитием жанра. На слитность древнерусских речевых стилей с жанрами указывает В.В. Колесов (Колесов, с. 273); об этом писали Д.С. Лихачев (Лихачев, 1983, с. 333) и А.И. Ефимов. Более того, по мнению А.И. Ефимова, выделение и классификация стилей литературного языка должны основываться на жанровом принципе, потому что «как самый состав речевых средств», используемых в том или ином стиле, «так и нормы их употребления находятся в тесной связи с жанром

произведения» (Ефимов, 1967, с. 15). Однако само понятие 'жанр' в работах исследователей раскрывается крайне скупо; не определен и конечный список жанров в древнерусской речи. Наиболее интересна, на наш взгляд, позиция Д.С. Лихачева, который видел в жанрах не только «разновидности литературного творчества», но и «определенные явления древнерусского жизненного уклада, обихода, быта в самом широком смысле слова» (Лихачев, 1999, с. 326). «Разновидности литературного творчества» (письменной речи) употребляются в богослужении, в юридической и дипломатической практике, в обстановке княжеского быта и т.д. (Лихачев, 1999, с. 318), и именно сферой применения они отличаются друг от друга. Таким образом, «современное деление на жанры, основывающееся на чисто литературных признаках, появляется сравнительно поздно. Для русской литературы чисто литературные принципы выделения жанров вступают в силу в основном в XVII в. До этого времени литературные жанры в той или иной степени несут, помимо литературных функций, функции внелитературные» (Лихачев, 1999, с. 318). Нам представляется важным то наблюдение Д.С. Лихачева, что жанры характеризуются «внелитературными функциями», а если говорить в аспекте «лингвистики текста», то прагматической направленностью. И, по-видимому, соотношение «речевого стиля» и «жанра» (по крайней мере, применительно к древнерусской речи) продиктовано соотношением «речи» и «текста»: в зависимости от специфики социальной информации и прагматической установки автора (автора текста, поскольку информативность и прагматическая направленность — текстовые категории) возникает тот или иной функциональный вариант текста, именуемый «жанром». Жанры могут сближаться или, напротив, отдаляться друг от друга в зависимости от того, насколько существенно различается их «языковая ткань», а принцип отбора языковых средств обусловлен уже не только прагматической установкой автора, но и тем, какую сферу деятельности обслуживает язык-речь. Ср.: жанр «соболезнование» — при прагматической направленности автора 'выразить сочувствие, сострадание' — в зависимости от сферы реализации требует либо отбора интимно-ласковой лексики + недлинных, «доходчивых» предложений-высказываний, либо употребления книжной лексики и неких устойчивых конструкций (типа «примите соболезнования по случаю...»); в первом случае этот жанр принадлежит разговорному стилю, а во втором — официально-деловому.

В древнерусской речи, как и в современной русской, жанр не обязательно должен быть закреплен за каким-то одним стилем (о жанрах современной речи см., например: (Вежбицкая; Шмелева, с. 90–91). Ограничимся одним примером. Так, жития святых, широко распространившиеся на Руси с принятием христианства, были одной из речевых жанровых разновидностей древнерусского церковно-богослужебного стиля (Ефимов, 1967, с. 38–39; Русинов, 1997, с. 174). Исследователи квалифицировали жития как агиографический жанр, реже — как деловой жанр церковно-служебного назначения (см.: Дмитриев, с. 400). Известно, что жития святых отличались от других жанров как содержанием, так и речевой организацией; их каноническая структура, статичность фигур позволяли сравнивать эти произведения со «словесной иконой» (Литература и культура, с. 46). Но постепенно собственно житийный жанр трансформируется и в своей структуре, и в содержании, и в речевой организации, что было прекрасно показано В.В. Колесовым (Колесов, с. 66–73). Этот новый, трансформированный жанр используется в связи с принципиально иными коммуникативными задачами авторов художественных текстов и превращается в подвид повествовательно-художественного стиля. При

этом сам термин «житие» получает иную предметно-понятийную отнесенность, потому что за ним теперь стоят и такие произведения, в которых большое внимание «уделяется занимательности сюжета, бытописанию» (Литература и культура, с. 46), а герои уже не напоминают «лики святых». Трансформацию (или, возможно, расщепление, «раздвоение») жанра можно отчетливо увидеть, сопоставляя два «жития»: а) «Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерьскаго» — одно из первых преподобнических житий (написано в конце XI — начале XII в. Нестором); это типичное «житие праведников», обнаруживающее немало элементов, заимствованных из памятников переводной агиографии (Словарь книжников, 1987, с. 275); б) «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» (ок. 1673) — несомненно, художественное произведение, в котором ярко проявились индивидуальное авторское начало, живая разговорная речь, а потому можно утверждать, что «в творчестве протопопа Аввакума житие превращается в автобиографию-исповедь» (Литература и культура, с. 46) либо в «беседу-исповедь», в «исповедь-проповедь» (Словарь книжников, 1992, с. 21–22).

Наряду с трансформацией того или иного жанра наблюдается взаимопроникновение, смешение разных жанров, когда одно древнерусское произведение могло соединять в себе признаки нескольких жанров. Иногда это отражалось даже в названии произведения, например, «Житие Александра Невского» в разных списках определяется то как «житие», то как «сказание», то как «повесть», и в этом тексте действительно есть элементы и воинской повести, и княжеского жития. Таким образом, о весьма непростом соотношении «стиля» и «жанра» нельзя забывать при анализе функциональных разновидностей древнерусской (и старорусской) речи.

Уточнить функциональную стратификацию древнерусской и старорусской речи позволит исследование синтаксических конструкций, поскольку именно синтаксис является одним из наиболее «чувствительных» к стилю языковых уровней.

Не случайно А.И. Ефимов писал: «Раскрывая понятие стиля, необходимо подчеркнуть, что это прежде всего категория структурно-синтаксическая» (Ефимов, 1957, с. 20), поэтому «следует искать грамматические приметы каждого стиля прежде всего в области синтаксических конструкций <...>» (там же). По нашему мнению, это утверждение в полной мере относится и к древнерусским (старорусским) стилям. Специфика синтаксиса состоит в том, что он непосредственно связан с коммуникацией, с формированием и выражением актов сознания и мышления. Вследствие этого синтаксическая организация речи оказывается в прямой зависимости от коммуникативного назначения, от стилевых и жанровых особенностей текста, в котором представлена речь того или иного периода истории языка. Таким образом, «рече-языковые» признаки стиля могут и должны отчетливо проявляться в синтаксической организации речи, и необходимо проследить участие синтаксических средств в стилеобразовании, в формировании и развитии стилей в истории русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

Аверина С.А. К жанрово-стилистической характеристике севернорусской агиографии (На материале севернорусских житий XVI в.) // Историческая стилистика русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск, 1990.

Баранникова Л.И. Специфика проявления нормы в различных формах реализации языка // Функционирование языка и норма: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.С. Язикова. Горький, 1986.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.

Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1.

Виноградов В.В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // В.В. Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.

Винокур Г.О. Русский язык: Исторический очерк // Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Горшков А.И. Теоретические основы истории русского литературного языка. М., 1983.

Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. М., 1984.

Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973.

Ефимов А.И. История русского литературного языка. М., 1967.

Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. М., 1957.

Жуковская Л.П. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Клименко Л.П. Структурно-семантические особенности лексической системы древнерусского глагола и ее функционирование в памятниках письменности XI–XIV вв.: Дисс.... докт. филол. наук. Н.Новгород, 1992.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1983.

Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.

Крысько В.Б. Стилистическая дифференциация древнерусской лексики (на материале глаголов со значением transgredi) // Историческая стилистика русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. З.К. Тарланов. Петрозаводск, 1990.

Кузнецова Р.Д. Роль повторов в истории сложноподчиненного предложения (на материале древнерусских и старорусских грамот) // Синтаксис предложения. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Г.П. Улуханов. Калинин, 1983.

Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975.

Левин В.Д. Рецензия на курс лекций А.И. Ефимова «История русского литературного языка» // Вопросы языкознания, 1955. № 5.

Литература и культура Древней Руси: Словарь-справочник / Под ред. ***В.В. Кускова***. М., 1994.

Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. СПб., 1999.

Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983.

Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л., 1981.

Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.-Л., 1946.

Русинов Н.Д. Древнерусский язык. М., 1997.

Русинов Н.Д. Об устных нормах древнерусской литературной речи // Литературный язык Древней Руси. Проблемы исторического языкознания. Вып. 3 / Отв. ред. В.В. Колосов. Л., 1986.

Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. ***Ю.Н. Караулов***. М., 1997.

Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Савельева Л.В. Функциональная стилистика моно- и полинегативных структур в древнерусском литературно-письменном языке // Литературный язык Древней Руси. Проблемы исторического языкознания. Вып. 3 / Отв. ред. В.В. Колесов. Л., 1986.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV вв.) / Отв. ред. ***Д.С. Лихачев***. Л., 1987.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Часть 1. А-З / Отв. ред. ***Д.С. Лихачев***. СПб., 1992.

Унбегаун Б.О. Историческая грамматика русского языка и ее задачи // Язык и человек: Сб. статей памяти проф. П.С. Кузнецова (1899–1968). М., 1970.

Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.

Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Е. Гольдин. Саратов, 1997.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.